

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 51–72.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 51–72.

Научная статья / Original article

УДК 94(4)''1945'':94(47).084.8(093)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-51-72

ЛИХТЕНШТЕЙН КАК ПРОБЛЕМА И ПРОБЛЕМА ЛИХТЕНШТЕЙНА: СУДЬБА ВОИНОВ 1-Й РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Андрей Викторович Мартынов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, martyunov@yandex.ru

Аннотация. В конце Великой Отечественной войны в среде коллаборантов наметилась смена стратегий. Предатели всячески стремились дистанцироваться от нацистской Германии. Одна из таких частей, так называемая 1-я Русская национальная армия (1-я РНА), интернировалась в Лихтенштейне. Ее командующий, эмигрант первой волны генерал-майор Борис Хольмстон-Смысловский, надеялся таким образом спасти кадры армии (462 человека) с целью передачи их союзникам для последующей борьбы против СССР. Экономические трудности, вызванные интернированием, девиантное поведение многих коллаборантов, а также давление советской репатриационной комиссии вынудило власти страны настаивать на скорейшей высылке чинов армии.

© Мартынов А. В., 2022

Но депортация не состоялась, так как в процесс вмешались американские спецслужбы. Последние выразили заинтересованность в 1-й РНА и, оказав давление на князя и правительство Лихтенштейна, не допустили экстрадиции коллаборантов. Тем не менее свыше двух третей армии, не выдержав психологического давления, добровольно вернулись на родину. В последующем власти Лихтенштейна создали миф, будто они по собственной инициативе, исходя из соображений гуманности, отказались выдавать перемещенных лиц в сталинскую Россию. Избежав репатриации, большая часть оставшихся военнослужащих 1-й РНА и их семьи (не менее 100 человек) перебрались в Аргентину. В этом им помогли клирики Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), как в Южной Америке, так и в Европе. Тем не менее, несмотря на конфликты между руководством Лихтенштейна и командованием 1-й РНА, в конце жизни Хольмстон-Смысловский вернулся в княжество. Статья основана на архивных источниках России, Лихтенштейна и США.

Ключевые слова: коллаборация, Хольмстон-Смысловский, 1-я Русская национальная армия, перемещенные лица, интернирование, репатриация, вторая волна эмиграции, Франц Иосиф II, Даллес, Изразцов

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Мартынов А. В. Лихтенштейн как проблема и проблема Лихтенштейна: судьба воинов 1-й Русской национальной армии // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 51–72. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-51-72>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

LIECHTENSTEIN AS A PROBLEM AND THE PROBLEM OF LIECHTENSTEIN:
THE FATE OF THE SOLDERS OF THE 1ST RUSSIAN NATIONAL ARMY

Andrei V. Martynov

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, martyuynov@yandex.ru

Abstract. At the end of the Great Patriotic War, there was a change in strategies among collaborators. Traitors tried in every possible way to distance themselves from Nazi Germany. One of these parts, the so-called. The 1st Russian National Army (1st RNA) was interned in Liechtenstein. Its commander, an emigrant of the “first wave”, Major General Boris Khol’mston-Smyslovskii, hoped in this way to save the army personnel (462 people), in order to transfer them to the allies for the subsequent fight against the USSR. The economic difficulties caused by internment, the deviant behavior of many collaborators, as well as the pressure of the Soviet repatriation commission forced the country's authorities to insist on the speedy expulsion of army officials. But the deportation did not take place, as the American special services intervened in the process. The latter expressed interest in the 1st RNA and, having put pressure on the prince and the government of Liechtenstein, did not allow the extradition of collaborators. Nevertheless, more than two-thirds of the army, unable to withstand the psychological pressure, voluntarily returned to their homeland. Subsequently, the Liechtenstein authorities created a myth that they, on their own initiative, based on considerations of humanity, refused to extradite displaced persons to Stalinist Russia. Having avoided repatriation, most of the remaining servicemen of the 1st RNA and their families (at least 100 people) moved to Argentina. ROCOR clerics helped them in this, both in South America and in Europe. Nevertheless, despite the conflicts between the leadership of Liechtenstein and the command of the 1st RNA. At the end of his life Khol’mston-Smyslovskii returned to the principality. The article is based on archival sources of the Russian Federation, Liechtenstein and the USA.

Keywords: Collaboration, Khol’mston-Smyslovskii, 1st Russian National Army, displaced persons, internment, repatriation, second wave of emigration, Franz Joseph II, Dulles, Izraztsov

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Martynov, A.V. (2022) ‘Liechtenstein as a Problem and the Problem of Liechtenstein: The Fate of the Soldiers of the 1st Russian National Army’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 51–72. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-51-72.

В историографии отечественной коллаборации одной из основных проблем являются многочисленные мифы, созданные самими изменниками. Они были призваны доказать непричастность последних к преступлениям гитлеровской Германии, вынужденность союза с ней, а также в максимально выгодном свете представить отношения с современными им демократическими государствами, и тем самым подчеркнуть собственный изначальный либерализм. Подобные мифы возникли еще до завершения боевых действий [Мартынов, 2019, с. 63–98].

Конец войны и неминуемость поражения Третьего рейха вызвали среди руководства и рядовых членов различных коллаборационистских формирований стремление избежать наказания. Как правило, избранная с этой целью смена стратегий предполагала дезертирство, сдачу в плен, а в ряде случаев — вооруженный конфликт со своими недавними хозяевами, как это произошло на острове Тексель (Нидерланды) с чинами 822-го грузинского пехотного батальона «Царица Тамара» (нем. *Bataillon 822 “Königin Tamara”*) Грузинского легиона (*Die Georgische Legion*) 5 апреля — 20 мая 1945 года [Lee, 2020; Мамулия, 2011, с. 176–206] или с оказавшей поддержку Пражскому восстанию 1-й дивизией Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) 5–9 мая 1945 года [Ауски, 1980; Александров, 2006, с. 341–416]¹.

Не стала исключением и 1-я Русская национальная армия (1-я РНА). Она была создана и возглавлялась эмигрантом первой волны штабс-капитаном Борисом Смысловским (псевд. Артур Хольмстон, фон Регенау) в рамках 12-го отдела генштаба Иностранных армий Востока (*Fremde Heere Ost*) для борьбы с партизанским движением, а в дальнейшем также для ведения разведывательной и контрразведывательной работы, в ходе которой коллаборанты неоднократно совершали преступления [Литвин, 2019, с. 92, 154; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 148, 202]. Первоначально соединение называлось Зондерштаб Р (Особый штаб Россия, *Sonderstab “R” (Rußland)*). С 2 февраля 1945 года оно носило название «Зеленая армия особого назначения» (*“Die Grüne Armee z.b.v.”*), а с 4 апреля — 1-я РНА (*1. Russische Nationalarmee*). Ее численность на конец марта 1945 года, по разным сведениям, составляла

¹ Непосредственно в боях власовцы принимали участие 6–8 мая, после чего, вследствие отказа со стороны руководства восстания в предоставлении чинам дивизии политического убежища, покинули город.

Из более ранних вооруженных выступлений коллаборантов против немцев и их союзников можно назвать восстание в 795-м батальоне «Шалва Маглакелидзе» (нем. *Bataillon 795 “Schalwa Maglakelidze”*) Грузинского легиона 9–10 октября 1942 года в районе Ново-Полтавское (Кабардино-Балкарская АССР). Из 750 восставших лишь 33 легионера смогли вырваться из окружения и перейти линию фронта на участке 3-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии [ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11303. Д. 231. Л. 211; Д. 89. Л. 30–31].

от 3 тыс. до 6 тыс. человек [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 294–295, Мартынов, 2019, с. 125].

В письме к князю Лихтенштейна Францу Иосифу II от 10 мая 1945 года Хольмстон-Смысловский сообщал, что «в конце апреля общая ситуация была такой, что я решил идти с моей частью на Запад и попробовать объединиться с англоамериканцами», но сложившаяся обстановка не позволила «пробиться на северо-запад к англичанам, и части вынуждены были повернуть на юг» [LI LA. RF. 230/043v/017]². Само же возникновение замысла сдачи союзникам относилось к началу 1943 года, когда стратегические поражения вермахта под Эль-Аламейном и Сталинградом не оставляли сомнений в исходе войны [Толстой, 1996, с. 448; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 284, 286]. В цитированном выше письме командующий армией вспоминал, что в тот период «во время моей деятельности в Варшаве, у меня была непосредственная связь с Лондоном через польское движение сопротивления. Польские и английские офицеры всегда скрывались в моем штабе» [LI LA. RF. 230/043v/017]. Последнее, впрочем, представляется умышленным введением адресата в заблуждение и одновременно созданием мифа об изначальной независимости его частей от гитлеровского командования, так как бойцы польского национального Движения Сопротивления (Армии Крайовой) провели ряд успешных терактов против чинов Зондерштаба. Ими в числе прочих был ликвидирован занимавший должность начальника отдела информации и пропаганды Александр Вюрглер³ [Kuberski, 2017, p. 85].

Непосредственно решение о скором интернировании Хольмстон-Смысловский объявил 18 апреля 1945 года. Вероятно, оно было согласовано с немецким командованием. Генерал-майор Рейнхард Гелен, возглавлявший Иностранные армии Востока, стремился сохранить свою структуру с целью последующего сотрудничества с союзниками [Simpson, 1989, p. 41]. Поэтому маршрут коллаборантов к южным границам Рейха был санкционирован Геленом и подписан начальником штаба Валли-1 (экономическая и военная разведка на Восточном фронте) подполковником Германом Бауном [Grimm, 1971, S. 45; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 328–329; Мартынов, 2019, с. 154]. Согласно официальной историографии 1-й РНА, «командующий армией созвал военный совет, на котором он продиктовал свое решение: “Капитуляция Германии неизбежна. Нам нельзя пассивно ждать разрешения развязки. При данном положении необходимо выиграть время. Приказываю продвигаться к нейтральной швей-

² Копия, переданная в правительство: [LI LA. RF. 230/043w].

³ На момент гибели Вюрглер несколько дней находился в отставке, что, вероятно, не было известно руководителям Управления диверсий (Kierownictwo dywersji), отдавших приказ о его ликвидации.

царской границе. Местом концентрации назначаю г. Мемминген» [Каширин, 1953, с. 12]. Слова генерала подтверждаются показаниями от 6 июня 1946 года обер-лейтенанта Михаила Рогачевского⁴, служившего адъютантом у командира 2-го полка подполковника Георгия Бобрикова⁵. Он говорил, что о решении интернировать в Швейцарию военнослужащие узнали в ходе марша в районе Нюрнберга. Сам офицер узнал о цели похода сразу же после завершения совета [LI LA. RF. 230/043s/080]⁶.

О том, что 1-я РНА идет не в Швейцарию, а в Лихтенштейн, чинам штаба объявили лишь 30 апреля в австрийском Фельдкирхе, когда командующий армией поставил перед ними задачу разработать операцию по переходу границы княжества [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 313].

В историографии остается открытым вопрос, почему в мемуарной литературе, посвященной переходу, Швейцария и Лихтенштейн отождествляются [Мартынов, 2019, с. 163–164]. Так, официальный историограф 1-й РНА подполковник Сергей Каширин⁷ сообщал: «Колонна штаба и часть армии перешла швейцарскую границу Княжества Лихтенштейн и добровольно там разоружилась, после того как швейцарские власти гарантировали чинам армии право политического убежища» [Каширин, 1953, с. 12–13]. А Хольмстон-Смысловский в письме к протопр. Константину Изразцову называл Лихтенштейн «таможенной границей Швейцарии» [MRC. Chubov. Vox 1]. Первоначально, по некоторым сведениям, еще в 1943 году местом интернирования предполагался Берн, но затем выбор пал на Вадуц [Толстой, 1996, с. 449]. Согласно другой версии, в Меммингене генерал узнал от агентов о сложностях перехода швейцарской границы и переменял решение [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 320]. Вероятно, они обуславливались решением от 7 сентября 1944 года, запрещавшим интернирование «восточных кавалерийских соединений» [Gehrig-Straube, 1997, S. 376]. Возможно, уподобление обуславливалось и тем, что княжество с 1923 года стало ассоциированным (конфедеративным) государством по отношению к Берну и, как следствие, республика представляла интересы Лихтенштейна на дипломатическом уровне. Также государства помимо общей денежной единицы (швейцарский франк) составили и общий таможенный союз.

⁴ Бывший старший лейтенант РККА. Командир пулеметного взвода 180-й стрелковой дивизии. Первоначально считался погибшим между 7 и 10 октября 1943 года в районе села Староселье (Броварский район УССР) [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 145. Л. 132]. В дальнейшем выявлен в числе «советских граждан, оставшихся в княжестве Лихтенштейн и Швейцарии, категорически отказавшихся вернуться на Родину» [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 143].

⁵ Оперативный псевдоним Бибииков.

⁶ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/081].

⁷ Оперативный псевдоним Попов.

Согласно официальной статистике, в ночь с 2 на 3 мая 1945 года в районе пограничного пункта Шелленберг границу пересекло 494 человека, из них 462 военнослужащих (включая 73 офицера), 30 женщин и 2 детей [Grimm, 1971, S. 44, 70; Geiger, Schlapp, 1996, S. 70; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 348]⁸. Вместе с тем следует отметить, что эти данные были составлены постфактум, три года спустя — 8 марта 1948 года, когда все интернированные уже покинули княжество, и, по мнению некоторых историков, могут быть неполными [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 348–349]. Сам Хольмстон-Смысловский писал о примерно 600 людях [LI LA. RF. 230/043v/017]⁹. Столь небольшой состав армии обуславливался тем, что в ходе марша некоторые военнослужащие отправлялись для установки связи с другими группами 1-й РНА и на иные задания. Не последнюю роль играло и стремление ряда командиров спасти в первую очередь себя, бросив остальных военнослужащих на произвол судьбы. Согласно дневнику (записи за период с 3 по 14 апреля 1945 года) журналиста коллаборационистской «солдатской» газеты «Борьба» Георгия Томина (Симона)¹⁰, ее главный редактор, бывший полковник корниловской дивизии Евгений Месснер, который перешел на должность начальника оперативного отдела (IA) штаба 1-й РНА, бросил ехавших с ним в ту же армию сотрудников [Полян, 2018, с. 136–140]. Он же свидетельствовал (запись от 19–20 апреля 1945 года), что командовавший авангардом 1-й РНА полковник Иван Соболев¹¹ также бросил его коллег: «Штаб уезжает маленьким грузовичком. О нас не думают, спасая свою шкуру» [Полян, 2018, с. 141]. Но наибольшая убыль была вызвана дезертирством (что опровергало миф об изначальном единстве армии [Хольмстон-Смысловский, 1953, с. 209]) и потерями от бомбардировок. Один из таких авианалетов запомнился Михаилу Рогачевскому. Тогда в районе Кемптена было убито 2 и ранено 14 военнослужащих. Некоторых из них пришлось оставить в местной больнице [LI LA. RF. 230/043s/081]. По подсчетам современных исследователей, общие потери составили примерно 2000 человек [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 351]. Малочисленность собственных сил осознавал и командующий армией. Поэтому спустя несколько дней после решения интернироваться, в присут-

⁸ Полный список см.: [Geiger, Schlapp, 1996, S. 170–182; Мартынов, 2019, с. 171–185].

⁹ Немногочисленность армии не помешала генералу разбить ее на два полка [LI LA. PA. 107/09; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 294, 301].

¹⁰ В историографии также встречается другое написание его фамилии: Симон-Томин [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 323].

¹¹ Оперативный псевдоним бывшего подполковника (майора?) РККА Николая Тарасова. Командир 1-й маневренной (отдельной) воздушно-десантной бригады. Взят в плен 8 апреля 1942 года в ходе Демьянской наступательной операции [ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 356. Л. 121; Ф. 56. Оп. 12220. Д. 92. Л. 227; Ф. 33. Оп. 11458. Д. 624. Л. 181; LI LA. PA. 107/09]. См. также: [Grimm, 1971, с. 73; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 294].

ствии Рогачевского, он выразил надежду, что по пути к границе сумеет «соединиться с другими русскими войсками» [LI LA. RF. 230/043s/081]. Впрочем, попытка подчинить себе 3-ю (700-ю, согласно номенклатуре вермахта) дивизию ВС КОНР, которой командовал бывший сослуживец генерала по Зондерштабу генерал-майор Михаил Шаповалов, не удалась [Хольмстон, 1953, с. 32–35; Мартынов, 2019, с. 155–159].

Переход границы был сопряжен с определенными трудностями. Когда с крахом фронтов на северной границе Лихтенштейна начался очень сильный приток мигрантов, по решению правительства были построены заборы из колючей проволоки, а в апреле 1945 года для дополнительной защиты усилена пограничная охрана [LI LA. Rech. ber. 1945/065]. Тем не менее переходы происходили регулярно. Как отмечалось в отчете правительства перед парламентом, только у пограничного поста Шаанвальде с 25 апреля по 2 мая было зафиксировано 1254 русских беженца [ibidem].

Интернирование не обошлось без драматических подробностей. Как отмечал британский историк Николай Толстой, общавшийся с генералом¹², коллаборантам было запрещено открывать ответный огонь, чтобы не лишиться права получить убежище¹³. Поэтому Хольмстон-Смысловский позволил провести только одну ложную демонстрацию, с целью отвлечь внимание от пункта перехода княжеской границы [Дробязко, 1999, с. 128]. Командующий полагал, что «потери от огня пограничников будут не велики, самое большее человек 10 убитых и 20 раненых, а увидев, что нарушители не отвечают, они вообще прекратят стрельбу». Правда, когда после нескольких предупредительных выстрелов по коллаборантам открыли прицельный огонь, не отличавшийся, впрочем, результативностью, ехавший первым в колонне генерал тем не менее отказался от первоначального замысла и приказал остановиться. Посланный к пограничникам офицер сумел остановить пальбу [Толстой, 1996, с. 450, 448]. В итоге, как позднее вспоминал Хольмстон-Смысловский, «единственной жертвой» оказалась бутылка коньяка в его автомобиле [там же, с. 450].

Вместе с 1-й РНА границу Лихтенштейна пересек со свитой великий князь Владимир Кириллович и глава управления делами русской эмиграции в Варшаве Сергей Войцеховский, сотрудничавший с Зондерштабом, с несколькими сотрудниками. На следующий день они были под давлением вышедшей к гра-

¹² См., напр., письмо Толстого Хольмстону-Смысловскому от 1 апреля 1978 года: [LI LA. PA. 107 13 22].

¹³ В данном контексте представляются ошибочными утверждения Евгения Месснера и Сергея Каширина, что головная рота отгеснила пограничников [Месснер, 1949, с. 2; Каширин, 1953, с. 12].

ницам княжества 1-й французской армии депортированы властями Лихтенштейна [Войцеховский, 1978, с. 129–130; Дробязко, 1999, с. 129; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 347–348]¹⁴, а коллаборанты Хольмстона-Смысловского разоружены и интернированы. В дальнейшем сданное оружие частью пополнило полицейский арсенал, а частью было уничтожено (утилизировано в Шаане или потоплено в Боденском озере) [LI LA. RF. 230/043s/171]¹⁵.

Появление чинов 1-й РНА и гражданских беженцев вызвало в княжестве гуманитарную катастрофу, которую удалось предотвратить благодаря Швейцарии, оказавшей разнообразную помощь соседу, в частности усилив малочисленные полицейские части (11 человек) своими сотрудниками [Толстой, 1996, с. 453; Дробязко, 1999, с. 131]. Также на заседании Ландтага 3 ноября 1948 года сообщалось о пролонгации благотворительной деятельности со стороны Берна, начатой во время войны [LI LA. LTR. 1948/134]¹⁶. Оперативно было создано представительство Красного Креста, во главе которого встала супруга Франца Иосифа княгиня Георгина (Джина) фон Вильчек. Последнее было важно, так как медицинские службы государства (Медицинская ассоциация) не справлялись с увеличившимся объемом работы, что вызвало негативную оценку Международного Красного Креста [LI LA. RF. 230/043r/007]¹⁷. Власти выделили перемещенным лицам 30 тыс. швейцарских франков в год, что давало последним возможность скромно существовать. Например, в суточный паек военнослужащего входило 250–300 (в дальнейшем 500 г) хлеба, 400 г картошки, 0,5 л кисломолочных продуктов, 40 г сыра, а также 20 г различных суповых добавок. Дополнительно раз в неделю полагалось одно яйцо, а 2 раза в месяц 50 г мяса. Женщины также могли рассчитывать ежедневно на 0,4 л молока, а раненым и больным полагался полноценный рацион [LI LA. RF. 230/043v/021]¹⁸. С 25 сентября 50 г мяса стали выдавать ежедневно. К рациону прибавилось 16 г сахара и 18 г жиров [LI LA. RF. 230/043s/102]. Тем не менее советской репатриационной миссии рацион интернированных пока-

¹⁴ Тем не менее великий князь был благодарен Хольмстону-Смысловскому за оказанную помощь. В письме секретарю Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов во Франции полковнику Михаилу Голубеву от 24 августа 1976 года генерал вспоминал, что Владимир Кириллович «тогда же произвел меня в генерал-лейтенанты, о чем я никогда и нигде, конечно, не говорил и не писал» [LI LA. PA. 107/09]. В дальнейшем Хольмстон-Смысловский поддерживал отношения с великим князем. См. «почто-грамму» последнего от 26 января 1977 года с благодарностью за поздравления с Рождеством и Новым годом [LI LA. PA. 107 13 017].

¹⁵ См. также: [Мартынов, 2019, с. 125].

¹⁶ Наряду с благотворительностью Лихтенштейну предоставлялись займы. К ноябрю сумма долга составила 2,6 млн швейцарских франков [LI LA. LTR. 1948/134].

¹⁷ В этой связи 2 октября 1945 года правительство расширило права Медицинской ассоциации [LI LA. RF. 230/043r/008].

¹⁸ См. также: [Grimm, 1971, S. 77; Дробязко, 1999, с. 130].

зался излишне «обильным»: «Комиссия объяснила, что еды слишком много, и это одна из причин, по которой люди не хотят уезжать отсюда <...> людям нужно давать меньшие пайки». В ответ «им было разъяснено, что мы не можем оставлять людей голодными, но протест будет рассмотрен княжеским правительством» [ibidem].

Всего за время пребывания коллаборантов в Лихтенштейне власти потратили на чинов 1-й РНА и гражданских беженцев 450 тыс. швейцарских франков. В дальнейшем все эти расходы компенсировало правительство Германии [Grimm, 1971, S. 95–96; Geiger, Schlapp, 1996, S. 280; Толстой, 1996, с. 453; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367; Мартынов, 2019, с. 168].

Ситуация немного изменилась, когда после пяти недель карантина коллаборантам было разрешено наниматься на работу к местным жителям (постановление от 28 мая 1945 года об упорядочении трудовой мобилизации интернированных русских). В нем, в частности, отмечалось, что «каждый интернированный обязан принять работу, порученную ему компетентным органом». При этом он «не имеет личного права на вознаграждение» [LI LA. RF. 230/043u/085]. Согласно отчету в Красный Крест за июнь 1945 года, это означало прибавку к сельскому населению княжества около 5% и субсидию на работу с точки зрения нагрузки на рынок труда около 20% [LI LA. RF. 230/043v/021]. Одновременно запрещался любой неофициальный наем [LI LA. RF. 230/043u/085]. Так, например, Николай Левкин¹⁹ был признан «виновным в нарушении права на гостеприимство» за неисполнение постановлений правительства от 18 мая и 3 сентября 1945 года, согласно которым все интернированные должны были проживать в лагерях [LI LA. RF. 230/043v/004], и за незаконную работу в течение месяца на конюшне Петера Вахтера в Шаане. В итоге Левкина депортировали из княжества [LI LA. RF. 230/043s/005]²⁰, а Вахтера приговорили к штрафу в размере 50 франков [LI LA. RF. 230/043s/001].

Впрочем, оказанная коллаборантам помощь не отменяла стремления властей Лихтенштейна в свете возникших трудностей избавиться от беженцев. К сожалению, в историографии, посвященной 1-й РНА, утвердилось мнение, что князь Франц Иосиф II, а также глава правительства и министр иностранных дел Александр Фрик были против насильственной репатриации [Толстой, 1996, с. 452, 453; Дробязко, 1999, с. 128–132; Цурганов, 2001, с. 202; Меняйленко, 2014, с. 236]. По мнению московского историка Сергея Дробязко, «роль лихтен-

¹⁹ Возможно, речь идет о бывшем рядовом РККА, пропавшем без вести в марте 1943 года [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 199. Л. 42].

²⁰ См. также: [LI LA. RF. 230/043p/110]. Вместе с тем нет никаких данных о его возвращении в СССР.

штейнских властей в спасении интернированных была велика» [Дробязко, 1999, с. 131].

В Русском зарубежье сформировался миф о победе маленького Давида в лице Лихтенштейна над огромным советским Голиафом [Ржанов, 1995].

В действительности власти Лихтенштейна не хотели интернирования коллаборантов. Секретарь Франца Иосифа Руперт Риттер 27 июня 1945 года писал правительству, что князь «считает, что настало время, чтобы представители 1-й Русской армии²¹ покинули страну, так как расходы на их проживание и питание непомерны». Одновременно выражалась озабоченность, что его подданные, находящиеся на территориях, контролируемых СССР, могут в отместку быть подвергнуты репрессиям [LI LA. RF. 230/043a/079]²². По мнению швейцарских историков Петера Гайгера и Манфреда Шлаппа, этим посланием канцелярия князя поручила правительству оказать давление на русских, чтобы они покинули страну [Geiger, Schlapp, 1996, S. 33–34]. Данное письмо дезавуирует последующие послевоенные высказывания Франца Иосифа о невозможности насильственной репатриации коллаборантов, названных им в беседах с Николаем Толстым «несчастливыми скитальцами» [Толстой, 1996, с. 452, 453].

В своем стремлении репатриировать чинов 1-й РНА князь имел личный интерес. Большая часть его финансовых активов была вложена в экономику Чехословакии и Польши, которые в соответствии с Ялтинскими соглашениями входили в зону интересов СССР [Толстой, 1996, с. 453; Трефилов, 2020, с. 112].

Поэтому вне субъективных симпатий или антипатий глав правительств принимались постановления, предполагающие депортацию чинов 1-й РНА. Так, 18 августа 1945 года парламент княжества (премьер Йозеф Хооп) единогласно проголосовал за незамедлительную высылку коллаборантов, а 16 января 1946 года недавно сформированное правительство Фрика подготовило постановление, согласно которому все интернированные лица, до 15 апреля не покинувшие Лихтенштейн добровольно, должны принудительно покинуть страну в течение двух недель [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 360, 366; Мартынов, 2017, с. 343].

Правда, и военнослужащие 1-й РНА своим поведением давали властям Лихтенштейна повод к недовольству. В ходе похода к границам княжества, после выгрузки 16 апреля в районе Регенсбурга, начался пеший марш, вызванный параличом путей сообщения и опасностью гибели эшелонов в результате

²¹ В оригинале 1-й Белой русской армии (I Weissrussischen Armee).

²² См. также: [Мартынов, 2017, с. 339–345].

авианалетов [Каширин, 1953, с. 12]. По свидетельству Михаила Рогачевского, сотрудники штаба и офицеры-эмигранты вскоре продолжили свой путь на машинах и иных транспортных средствах, а рядовые двигались пешим порядком или ехали на велосипедах. «Не знаю, были ли автомобили взяты незаконно, велосипеды — точно» [Мартынов, 2020, с. 104]²³. Правда, с грабежами пытались бороться. Так, согласно дневниковой записи от 28 апреля Томина (Симона), «за воровство вчера двое расстреляно» [Полян, 2018, с. 144]. Но, судя по всему, казни не помогали. Кражи велосипедов, о которых вспоминал Рогачевский, продолжились и в княжестве [LI LA. RF. 230/043s/081]. К совершенным преступлениям можно добавить незаконные пересечения границы со Швейцарией и алкоголизм. В ответ власти депортировали ряд коллаборантов во французскую оккупационную зону. Например, полицейский отчет от 29 ноября 1945 года сообщал, что подлежали высылке 5 человек. Среди них Георгий Гарневич, который 17 ноября «пьяный тайно хотел покинуть лагерь. Был препровожден в полицию, где затем повредил камеру» [Мартынов, 2020, с. 105]²⁴.

Тем не менее Хольмстон-Смысловский ошибочно предполагал, что князь Лихтенштейна Франц Иосиф II был против насильственной репатриации коллаборантов в СССР, а ее инициатором выступал вице-премьер доктор Антон Фроммельт. По приказу командующего началась подготовка покушения на политика, сорвавшаяся в результате добровольной сдачи полиции одного из участников — Михаила Рогачевского [Мартынов, 2020, с. 101–102]²⁵.

Параллельно генерал, стремясь завоевать общественное мнение, организовал ряд интервью местным СМИ. Он представлял себя и чинов 1-й РНА как последовательных сторонников демократии, лишь в силу непреодолимых обстоятельств вынужденных сотрудничать с гитлеровцами [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 362–364]. Схожие утверждения имели место и в ранее цитированном письме к князю, где Хольмстон-Смысловский заявлял, что его подчиненные не имели «ничего общего с Власовым или частями казаков» [LI LA. RF. 230/043v/017].

В данном контексте желание властей княжества совпало с требованиями руководства Советского Союза, имевшего в отношении 1-й РНА особый интерес. В сделанной КГБ «Выписке из справки о связях украинских националистов с разведывательными органами буржуазных государств» отмечалось, что «Зондерштабу Р удалось вскрыть и <...> ликвидировать ряд советских

²³ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/081].

²⁴ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/005].

²⁵ Одновременно он был допрошен полицией в связи с расстрелом двух военнослужащих 1-й РНА по пути в Лихтенштейн [LI LA. RF. 230/043s/080; RF 230/043s/081].

партизанских групп и подпольных партийных организаций, действовавших в немецком тылу. Действия Зондерштаба Р нанесли серьезный ущерб тылу наступавшей Советской [sic!] армии» [ЦДАГО України. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 34. Арк. 44].

Помимо официальных контактов, стремясь добиться выдачи коллаборантов, представители Москвы воздействовали на власти Вадуца посредством ужесточения таможенного законодательства Австрии, которая находилась в составе советской зоны оккупации [LI LA. LTR. 1948/134].

Как отмечал стремившийся помочь репатриантам настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы (Цюрих) прот. Давид Чубов в письме к протопр. Константину от 16 сентября 1946 года, «полной уверенности в очень твердом сопротивлении наших властей настойчивым требованиям дипломатической миссии у наших соотечественников нет, и среди них царит сильное волнение» [MRC. Chubov. Vox 1].

Тем не менее инициативы советских и княжеских политиков потерпели фиаско. По мнению историков, это было обусловлено контактами Хольмстона-Смысловского с западными спецслужбами. В Лихтенштейне его посещал руководитель американской разведки в Швейцарии Аллен Даллес и другие агенты. К тому времени генерал смог наладить контакты со своей законсервированной сетью агентов в Советском Союзе, что увеличивало его значение в глазах специалистов [Grimm, 1971, S. 79; Толстой, 1996, с. 452; Дробязко, 1999, с. 131]. Косвенно это подтверждается решением властей воздержаться от судебного преследования командующего 1-й РНА, несмотря на показания против него Рогачевского. Формальным отказом в экстрадиции послужило отсутствие юридической силы на территории Лихтенштейна Ялтинских соглашений, один из пунктов которых предполагал возвращение советских граждан на родину [Трефилов, 2020, с. 114].

Также потерпело неудачу и стремление советской стороны добиться экстрадиции отдельных офицеров 1-й РНА (список насчитывал 60 человек, включая командующего). В ответ на намерение представителей княжества ознакомиться с совершенными коллаборантами преступлениями члены репатриационной комиссии никаких документов не предоставили [Geiger, Schlapp, 1996, S. 39–40; Дробязко, 1999, с. 131; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 364]. Последнее представляется не совсем понятным, так как СССР накопил значительный объем данных благодаря созданной 2 ноября 1942 года Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которые использовались на различных судебных процессах (Краснодарский, Дубоссарский, Нюрнбергский и др.). Известно, что

структуры Хольмстона-Смысловского нередко подчинялись СД и СС, которые были признаны преступными на Нюрнбергском процессе [Литвин, 2019, с. 92, 154; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 148, 202].

Впрочем, не будучи уверен в успехе переговоров с представителями Соединенных Штатов, командующий хотел воздействовать и на советскую репатриационную миссию, стремясь через посредников начать с ее представителями переговоры. Это вызвало негативную реакцию некоторых подчиненных генерала, видевших в действиях Хольмстона-Смысловского «предательство» [Мартынов, 2017, с. 344]²⁶.

Парадоксально, но и без применения силы через 10 дней после интернирования, 14 мая 1945 года, 186 солдат и офицеров (то есть около 2/3 от общего числа ди-пи) выразили желание вернуться на родину [Мартынов, 2020, с. 105]²⁷. Как отмечал Томин (Симон) (запись от 17–18 мая) «“Добровольцев смерти” все больше и больше» [Полян, 2018, с. 148]. Всего же, по разным подсчетам, возвратилось на родину от 214 до 374 человек [Дробязко, 1999, с. 130; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 353–361]²⁸. В то же время, согласно советским данным, в 1948 году в Лихтенштейне находилось 76 советских граждан, не желавших репатрироваться [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 143–147].

Непросто определить причины подобного поступка, особенно если учитывать, что с Хольмстоном-Смысловским в княжество отправились в основном добровольцы (противники интернирования, учитывая масштаб дезертирства, могли присоединиться к последним). Сам командующий 1-й РНА признавался, что «причины этого решения разнообразны и объяснить их трудно. На многих оказало едва ли не гипнотическое действие появление тех, от кого еще так недавно они полностью зависели, другие боялись, что их в любом случае вышлют силой, третьи поверили в обещание амнистии, а четвертые просто изнывали от ностальгии» [Толстой, 1996, с. 451]²⁹. Помимо указанных генералом аргументов, можно предположить, что с помощью части репатриантов он стремился регенерировать или активировать агентурную сеть [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 353–354].

²⁶ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/081].

²⁷ См. также: [LI LA. RF. 230/043v/021].

²⁸ Подсчитано по: [Дробязко, 1999, с. 130; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 353–361].

²⁹ Ср. с оценкой поведения репатриантов, данной сотрудником Международного соглашения против III Интернационала (Entente internationale contre la IIIe Internationale, EIA) Юрия Лодыженского: «Разговаривая с интернированными русскими во время последнего периода их пребывания в Швейцарии, когда уже определилась неизбежность их отъезда из этой страны, я не раз вспоминал сцену из Киплинга, когда удав Каа завораживает сидящих напротив него в оцепенении обезьян и поочередно влечет их в свою пасть... Они предвидят свою гибель, но уже лишены сил сопротивления...» [Лодыженский, 2013, с. 502–503].

Несмотря на покровительство американской разведки, эмиграция в Аргентину была в значительной степени осуществлена не при помощи спецслужб, а благодаря клирикам РПЦЗ.

Важную роль в принятии решения сыграло непосредственное обращение к президенту Аргентины Хуану Перону протопр. Константина Изразцова, управлявшего всеми приходами Аргентины. О. Константин был направлен в Южную Америку еще в 1891 году. Статус члена Российского дипломатического корпуса позволил ему установить связи с политической элитой республики [Правотворов, 2021, с. 61–62; Меняйленко, 2014, с. 237]. В ходе визита 25 июня 1946 года к Перону Изразцовым совместно с протопр. Александром Шабашевым и игум. Аверкием (Восходовым)³⁰ было получено согласие принять русских перемещенных лиц, находящихся в Лихтенштейне, Швейцарии, Италии и Франции, общим числом до 25 тыс. человек³¹, о чем Изразцов сообщил прот. Давиду Чубову в письме от 22 августа 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1]³². Спустя два года квота увеличилась еще на 10 тыс. человек [Меняйленко, 2014, с. 237]. В дальнейшем были составлены памятки-анкеты «К сведению русских эмигрантов, желающих переселиться в Аргентинскую Республику». В них давался образец прошения (на имя о. Константина), приводился список данных («сведения обо мне и моей семье»), необходимых для получения визы, а также указывались профессии, которым отдавалось предпочтение («для Аргентинской Республики нужны: рабочие, техники-механики и, главным образом, — земледельцы»). Кроме того, автор памятки обращал внимание («предупреждаю Русскую Эмиграцию»), что лица свободных профессий (медики, юристы, студенты) «разрешения получают в виде исключения, так как не имеют права по специальности на работу и должны держать экзамены за курс средних и высших учебных заведений на испанском языке». Другой проблемой была невозможность принимающей стороны финансировать переезд. Как следствие, эмигрант мог рассчитывать на помощь Международной организации по делам беженцев (International Refugee Organization) и иных профильных структур³³. В отношении чинов 1-й РНА расходы, составившие около 450 тыс. фран-

³⁰ В организации переезда также принимали участие первоиерарх РПЦЗ митр. Анастасий Грибановский и еп. Серафим (Лукьянов). См. их письма прот. Давиду Чубову от 16/29 августа 1946 г. и 11/24 августа 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1].

³¹ Письмо Д. Чубова С. (?) Трескину от 28 сентября 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1]. См. также: [Мосейкина, 2007, с. 73].

³² Последнее, впрочем, имело определенные сложности из-за отсутствия аргентинских консулов в зонах союзнической оккупации. См. письмо протопр. Александра Шабашева от 2 декабря 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1].

³³ Частное собрание. Копия находится в Личном архиве Мартынова.

ков (первоначально предполагалось выделить 100 000 фр.³⁴), покрыли власти Лихтенштейна. В дальнейшем, как и в случае с оплатой содержания интернированных, Вадуц получил компенсацию от Берлина.

Одновременно протопр. Константин обращался к прот. Давиду с пожеланием к имеющемуся визовому сбору «взыскать по одному швейцарскому франку с каждого получающего разрешение в пользу нашей церкви, каковые прошу перевести банковским переводом на мое имя» (письмо от 28 марта 1947 года) [MRC. Chubov. Vox 1].

Визы Хольмстон-Смысловским с супругой, отправившимся за океан за свой счет, были получены непосредственно благодаря Шабашеву (письмо Чубову от 2 декабря 1946 года) [MRC. Chubov. Vox 1]. Генерал ими воспользовался спустя почти год — 1 октября 1947 года [Geiger, Schlapp, 1996, S. 183; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367].

Выезд из страны шел неравномерно. Так, 9 августа 1946 года в Аргентину выехало 54 человека (всего за август княжество покинуло 84 интернированных) [Geiger, Schlapp, 1996, S. 183; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367], но спустя месяц при наборе желающих 3 сентября [MRC. Chubov. Vox 1] отправиться за океан согласилось лишь два человека: Василий Руденко³⁵ и Александр Лысаков³⁶. Поэтому правительство Лихтенштейна всячески стремилось как можно быстрее добиться отъезда чинов 1-й РНА. Когда выяснилось, что трое военнослужащих, Николай Конков³⁷, Алексей Козенков³⁸ и Павел Кисляков³⁹, которые «имели другие планы на эмиграцию и поэтому не были включены в первоначальный список», переменили свое решение, за подписью премьер-министра

³⁴ 800 фр. на человека (см. письмо Д. Чубова К. Израцову от 16 сентября 1946 года) [MRC. Chubov. Vox 1]. Также часть средств на переезд выделила International Refugee Organization (IRO) (письмо Д. Чубова Б. Хольмстону-Смысловскому от 26 июня 1947 года). Наконец, имело место взаимодействие с Young Men's Christian Association (письмо Г. Лорера Д. Чубову от 21 августа 1946 года, письмо Д. Чубова Трескину от 28 сентября 1946 года) и с фондом Александры Толстой [MRC. Chubov. Vox 1; Мосейкина, 2007, с. 73], а также, вероятно адресно, ЕИА [Лодыженский, 2013, с. 502].

³⁵ Бывший младший лейтенант Красной армии. Командир огневого взвода 422-го артиллерийского полка 157-й стрелковой дивизии. Первоначально считался погибшим 2 октября 1941 года в ходе боев за село Великий Дальник Беляевского района УССР [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 22. Л. 278]. В дальнейшем был установлен факт его пленения [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 144. Л. 1112].

³⁶ Бывший рядовой Красной армии. Числился пропавшим без вести с марта 1943 года [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 480. Л. 141].

³⁷ В документе ошибочно Конилов. Бывший рядовой РККА [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 146].

³⁸ В документе ошибочно Косенков. Бывший рядовой РККА [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 144].

³⁹ Бывший сержант РККА [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 145].

Александра Фрика было послано заказное экспресс-письмо на имя Генерального консула Аргентины Хуана Антонио Хиральдеса. В нем в числе прочего указывалась конфессиональная принадлежность коллаборантов: «православные эмигранты» (Orthodoxe Emigranten) [LI LA. RF. 230/043o/014]⁴⁰.

Всего же в Аргентину отправилось, по разным данным, от 100 до 300 человек чинов 1-й РНА и их семей [Дробязко, 1999, с. 132; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367; Меняйленко, 2014, с. 237]⁴¹.

Также некоторое число перемещенных лиц, являющихся эмигрантами первой волны и не подлежащих репатриации⁴², самостоятельно покинуло княжество. Кроме того, часть бывших советских граждан, опасаясь выдачи, бежала в другие страны, переходя на нелегальное положение, в том числе в Швейцарию [Дробязко, 1999, с. 130].

В итоге к 20 февраля 1948 года эпопея интернирования 1-й РНА в Лихтенштейне завершилась [Дробязко, 1999, с. 132; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367].

Тем самым, первоначально локальное происшествие, вызванное интернированием небольшого соединения коллаборантов, в скором времени вовлекло в себя население и правительства нескольких государств, руководства спецслужб и церковные круги, став одним из первых противостояний начинающейся холодной войны. Одновременно оно создало миф о нежелании главы княжества депортировать изменников.

Также, помимо примера того, как предатели смогли избежать наказания, рассматриваемая история имела еще одно последствие. Несмотря на столь конфликтные отношения друг к другу на протяжении всего периода интернирования, в 1966 году Хольмстон-Смысловский, сменивший к тому времени Аргентину на США, вернулся в Лихтенштейн, где и скончался спустя 22 года. Противоположности, вызвавшие ранее вражду, сошлись.

Список источников

Александров К. Армия генерала Власова 1944–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с.

Ауски С. Предательство и измена: войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско: Globus Publishers, 1982. 288 с.

⁴⁰ См. также: [LI LA. RF. 230/043o/012].

⁴¹ Общее число русских перемещенных лиц, отправившихся в Аргентину, к 16 октября 1946 года, согласно письму Д. Чубова Швейцарскому комитету помощи беженцам, составило 325 человек (125 в Лихтенштейне и 200 в Швейцарии) [MRC. Chubov. Vox 1].

⁴² На начало 1945 года их число в 1-й РНА составляло 20% [Хольмстон, 1953, с. 23].

Войцеховский С. Л. Эпизоды. Лондон: Заря, 1978. 192 с.

Грибков И., Жуков Д., Ковтун И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011. 464 с.

Дробязко С. Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения / ред. А. В. Окорочков. М.: Архив РОА, 1999. Вып. 4. С. 116–143.

Каширин С. Российское военно-национальное освободительное движение имени генералиссимуса А. В. Суворова. Краткий исторический очерк // *Хольмстон-Смысловский Б. А.* Избранные статьи и речи. Буэнос-Айрес: Российское военно-национальное освободительное движение им. ген. А. В. Суворова, 1953. С. 5–15.

Литвин А. М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943). Мн.: Беларуская навука, 2019. 224 с.

Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с Коминтерном. М.: Айрис-пресс, 2013. 576 с.

Мартынов А. В. К вопросу о моральном состоянии коллаборантов на примере 1-й Русской национальной армии // *История. Научное обозрение OSTKRAFT.* 2020. № 1. С. 100–106.

Мартынов А. «Настало время, чтобы чины 1-й Русской национальной армии покинули страну»: К истории пребывания войск Хольмстона-Смысловского в Лихтенштейне // *История отечественной коллаборации: Материалы и исследования / ред. А. Мартынов.* М.: Старая Басманная, 2017. С. 339–345.

Мартынов А. В. По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация. М.: Вече, 2019. 416 с.

Меняйленко М. К. Деятельность русских эмигрантов первой волны по защите в послевоенной Европе русских беженцев от насильственной репатриации в СССР // *Русское зарубежье: история и современность. Сборник статей. / ред.-сост. Ю. В. Мухачев, Т. Г. Петрова.* Москва: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 3. С. 232–240.

Месснер Е. Э. Вера и верность // *Суворовец.* 1949. № 2 (17). С. 2.

Мосейкина М. Н. «Издевательства над ди-пи продолжаютя»: формирование новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны и проблемы репатриации в СССР // *Вестн. РУДН.* 2007. № 2. С. 70–81.

Полян П. От Вены до Вадуца: дневник интернированного коллаборанта Г. Томина (Симона) (3 апреля — 2 октября 1945 г.) // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2018. № 3 (14). С. 131–162.

Правотворов Б. А. Становление и деятельность православной церкви в Южной Америке (1887–1917) // *Гуманитарный акцент.* 2021. № 1. С. 60–65.

Ржанов Д. Когда Давид отстоял белых воинов от Голиафа // *Наша страна.* № 2352. С. 2.

Толстой Н. Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 544 с.

Трефилов А. А. Развитие уголовного процесса в княжестве Лихтенштейн // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 111–116. DOI: 10.17223/23088451/15/21.

Хольмстон-Смысловский Б. А. Избранные статьи и речи. Буэнос-Айрес: Российское военно-национальное освободительное движение им. ген. А. В. Суворова, 1953. 224 с.

Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Intrada, 2001. С. 286.

Gehrig-Straube C. Beziehungslose Zeiten: das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946) aufgrund schweizerischer Akten. Zürich: Chronos, 1997. 620 s.

Geiger P., Schlapp M. Russen in Liechtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945–1948. Mit des Liste der Interniert und dem russischen Tagebuch das Georgij Simon. Vaduz: Schalun; Zürich: Chronos, 1996. 370 s.

Grimm C. Internierte Russen in Liechtenstein // Jahrbuch des Historisches Vereins für das Fürstentum Liechtenstein. Vaduz, 1971. Bd. 71. S. 44–100.

Kuberski H. Russian Emigrants and Polish Underground in 1939–1948 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2017. Tom 52, Numer 1 (Special Issue). P. 73–136.

Lee E. Night of the Bayonets: The Texel Uprising and Hitler's Revenge, April-May 1945. Barnsley: Greenhill Books, 2020. 232 p.

Simpson C. Blowback — The first full account of America's recruitment of nazis, and its disastrous effect on our domestic and foreign policy. N. Y.: Collier Books, 1989. 398 p.

Архивы

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации;

ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации;

ЦДАГО України — Центральний державний архів громадських об'єднань України;

LI LA — Liechtenstein Landesarchiv;

MRC — Museum of Russian Culture in San Francisco.

References

Aleksandrov, K. (2006) *Armiya generala Vlasova 1944–1945* [General Vlasov's Army 1944–1945]. Moscow: Yauza, Eksmo.

Auski, S. (1982) *Predatel'stvo i izmena: voiska generala Vlasova v Chekhii* [Betrayal and treason: Army of General Vlasov in Bohemia]. Transl. by E.P. Novikova-Petrovskaya. San Francisco: Globus Publishers.

Drobyazko, S. (1999) 'Эпопея генерала Смysłовского' ['The epic of General Smysłovskiy'], in *Materialy po istorii Russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya. Vip. 4* [Materials on the history of the Russian liberation movement. Iss. 4]. Ed. by A.V. Okorokov. Moscow: Arkhiv ROA, pp. 116–143.

Gehrig-Straube, C. (1997) *Beziehungslose Zeiten: das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946) aufgrund schweizerischer Akten*. Zürich: Chronos.

Geiger, P., Schlapp, M. (1996) *Russen in Liechtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945–1948. Mit der Liste der Interniert und dem russischen Tagebuch des Georgij Simon*. Vaduz: Schalun; Zürich: Chronos.

Gribkov, I., Zhukov, D., Kovtun, I. (2011) *Osobyi shtab «Rossiya»* [Special Headquarters "Russia"]. Moscow: Veche.

Grimm, C. (1971) 'Internierte Russen in Liechtenstein', *Jahrbuch des Historischen Vereins für das Fürstentum Liechtenstein*, 71, pp. 44–100.

Kashirin, S. (1953) 'Rossiiskoe voenno-natsional'noe osvoboditel'noe dvizhenie imeni generalissimusa A.V. Suvorova. Kratkii istoricheskii ocherk' ['Russian military-national liberation movement named after Generalissimo A.V. Suvorov. Brief historical outline'], in Khol'mston-Smyslovskii, B.A. *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Buenos Aires: Rossiiskoe voenno-natsional'noe osvoboditel'noe dvizhenie im. gen. A.V. Suvorova, pp. 5–15.

Khol'mston-Smyslovskii, B.A. (1953) *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Buenos Aires: Rossiiskoe voenno-natsional'noe osvoboditel'noe dvizhenie im. gen. A.V. Suvorova.

Kuberski, H. (2017) 'Russian Emigrants and Polish Underground in 1939–1948', *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, 52(1)SI, pp. 73–136.

Lee, E. (2020) *Night of the Bayonets: The Texel Uprising and Hitler's Revenge, April-May 1945*. Barnsley: Greenhill Books.

Litvin, A.M. (2019) «Kto mozhет, peredaite rodnym...»: *Tainy tyuremnykh kamer okkupirovannogo Gomelya (1941–1943)* ["Who can, tell your relatives...": Secrets of the prison cells of the occupied Gomel (1941–1943)]. Minsk: Belaruskaya navuka.

Lodyzhenskii, Yu.I. (2013) *Ot Krasnogo Kresta k bor'be s Kominternom* [From the Red Cross to the fight against the Comintern]. Moscow: Airis-press.

Martynov, A.V. (2020) 'K voprosu o moral'nom sostoyanii kollaborantov na primere 1-i Russkoi natsional'noi armii' ['To the question of the morale of collaborators on the example of the 1st Russian National Army'], *Istoriya. Nauchnoe obozrenie OST-KRAFT* [History. OSTCRAFT Scientific Review], 1, pp. 100–106.

Martynov, A. (2017) «Nastalo vremya, chtoby chiny 1-i Russkoi natsional'noi armii pokinuli stranu»: K istorii prebyvaniya voisk Khol'mstona-Smyslovskogo v

Likhtenshteine' ["The time has come for the ranks of the 1st Russian National Army to leave the country": On the history of the stay of Holmston-Smyslovsky's troops in Liechtenstein'], in *Istoriya otechestvennoi kollaboratsii: Materialy i issledovaniya* [The history of Russian collaboration: Materials and research]. Ed. by A. Martynov. Moscow: Staraya Basmannaya, pp. 339–345.

Martynov, A.V. (2019) *Po obe storony pravdy. Vlasovskoe dvizhenie i otechestvennaya kollaboratsiya* [Both sides of the truth. Vlasov movement and domestic collaboration]. Moscow: Veche.

Menyailenko, M.K. (2014) 'Deyatel'nost' russkikh emigrantov pervoi volny po zashchite v poslevoennoi Evrope russkikh bezhentsev ot nasil'stvennoi repatriatsii v SSSR' ['The activities of Russian emigrants of the first wave to protect Russian refugees in post-war Europe from forced repatriation to the USSR'], in *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'. Sbornik statei. Vip. 4* [Russian Abroad: History and Modernity. Collection of articles. Vol. 4]. Comp. ed. by Yu.V. Mukhachev, T.G. Petrova. Moscow: INION RAN, pp. 232–240.

Messner, E.E. (1949) 'Vera i vernost' ['Belief and fidelity'], *Suvorovets* [Suvorovets], 2(17), p. 2.

Moseikina, M.N. (2007) '«Izdevatel'stva nad di-pi prodolzhayutsya»: formirovanie novoi volny russkoi emigratsii v Argentine posle vtoroi mirovoi voyny i problemy repatriatsii v SSSR' ["The bullying of DP continues": formation of a new wave of Russian emigration in Argentina after World War II and the problems of repatriation to the USSR'], *Vestnik RUDN* [Bulletin of the RUDN], 2, pp. 70–81.

Polyan, P. (2018) 'Ot Veny do Vadutsa: dnevnik internirovannogo kollaboranta G. Tomina (Simona) (3 aprelya — 2 oktyabrya 1945 g.)' ['From Vienna to Vaduz: diary of interned collaborator G. Tomin (Simon) (April 3 — October 2, 1945)'], *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies], 3(14), pp. 131–162.

Pravotvorov, B.A. (2021) 'Stanovlenie i deyatelnost' pravoslavnoi tserkvi v Yuzhnoi Amerike (1887–1917)' ['Formation and activity of the Orthodox Church in South America (1887–1917)'], *Gumanitarnyi aktsent* [Humanitarian accent], 1, pp. 60–65.

Rzhanov, D. (1995) 'Kogda David otstoyal belykh voynov ot Goliafa' ['When David defended the white warriors from Goliath'], *Nasha strana* [Our country], 2352, p. 2.

Simpson, C. (1989) *Blowback — The first full account of America's recruitment of nazis, and its disastrous effect on our domestic and foreign policy*. New York: Collier Books.

Tolstoi, N. (1996) *Zhertvy Yalty* [Victims of Yalta]. Transl. by E.S. Gessen. Moscow: Russkii put'.

Trefilov, A.A. (2020) 'Razvitie ugolovnogo protsessa v knyazhestve Likhtenshtein' ['Development of the criminal process in the Principality of Liechtenstein'], *Ugolovnaya yustitsiya* [Criminal justice], 15, pp. 111–116. doi: 10.17223/23088451/15/21.

Tsurganov, Yu.S. (2001) *Neudavshiysya revansh. Belaya emigratsiya vo Vtoroi mirovoi voine* [Failed revenge. White emigration in World War II]. Moscow: Intrada.

Voitsekhovskii, S.L. (1978) *Epizody* [Episodes]. London: Zaria.

Информация об авторе: А. В. Мартынов — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: A. V. Martynov — PhD in Philosophy, senior research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022;
одобрена после рецензирования 28.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 08.08.2022;
approved after reviewing 28.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.